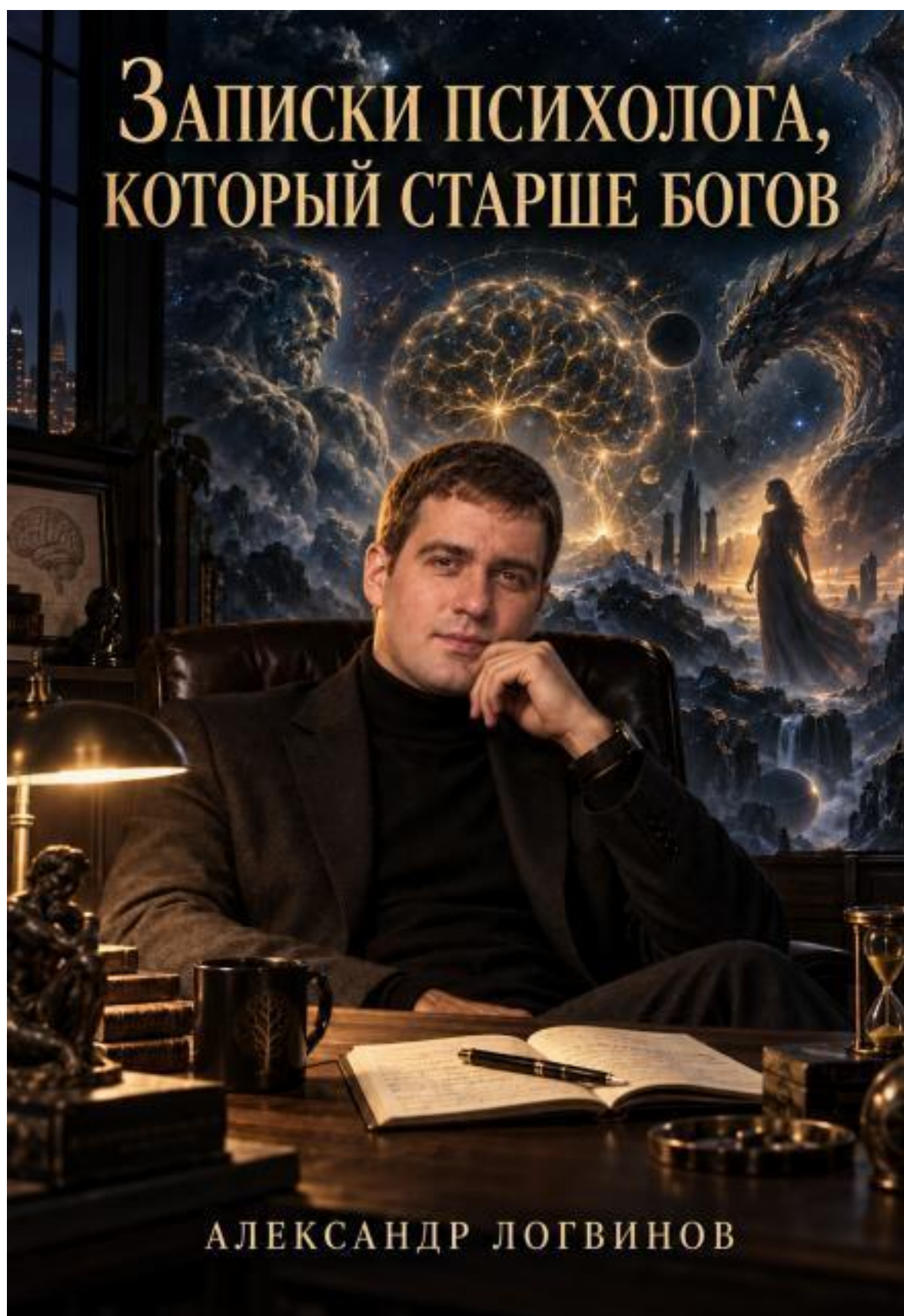


ЗАПИСКИ ПСИХОЛОГА, КОТОРЫЙ СТАРШЕ БОГОВ



АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

Александр Логвинов

**Записки психолога,
который старше богов**

«Литнет»

2026

Логвинов А.

Записки психолога, который старше богов / А. Логвинов —
«Литнет», 2026

Давид Лонгин старше богов. Он помнит времена, когда титаны учились властвовать, первые люди придумывали страх, а Вселенная ещё не решила, кем хочет стать. За миллионы лет Давид изучил человеческую душу во всех её проявлениях. Он беседовал с царями и рабами, мудрецами и безумцами, полководцами и теми, кто героически собирался начать новую жизнь с понедельника. Менялись эпохи, рушились империи, появлялись новые учения — но человек упорно продолжал наступать на одни и те же внутренние грабли. Правда, теперь он называет их психологическими сценариями. В своих записках Давид разбирает любовь и одиночество, страх и свободу, детские обиды, зависимость от чужого мнения, поиски смысла и вечную войну человека с самим собой. В его историях древняя мудрость встречается с современной психологией, глубокие вопросы — с неожиданными ответами, а серьёзные выводы неизменно сопровождаются иронией. Потому что человеческая душа — величайшая загадка Вселенной. Особенно когда её хозяин уверен, что с ним всё совершенно нормально.

© Логвинов А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Человек, который опоздал на три миллиона лет	5
Семь сеансов до тишины	37
Записки для тех, кто останется	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Человек, который опоздал на три миллиона лет

ЗАПИСКИ ПСИХОЛОГА,

КОТОРЫЙ СТАРШЕ БОГОВ

Философско-психологический роман

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

ПРОЛОГ

До того как у страха появилось имя

Сначала была энергия.

Это утверждение позднее понравилось физикам. Они заключили его в формулы, снабдили индексами и решили, что первыми заметили очевидное. Давид не возражал. Он давно понял: человеку легче принять истину, если дать ему возможность считать её собственной.

В ту пору не существовало ни человека, ни слова «пора». Свет ещё не отделился от тьмы, время не научилось двигаться вперёд, а пространство не выбрало, в какую сторону ему расширяться. Сознания возникали как короткие напряжения в беспредельном поле. Они чувствовали друг друга, сближались, отталкивались и исчезали.

Давид был одним из них.

Имени у него не было. Имя требуется тому, кого могут перепутать. Тогда спутать было почти не с кем.

Первым существом, обратившимся к нему, стал дрожащий сгусток голубоватого света.

«Мне кажется, я исчезаю», — передал он.

«Когда?»

«Не знаю».

«Значит, ты боишься события, для которого ещё даже не придумано время».

Сгусток задумался. В первичной Вселенной размышление выглядело как замедление внутреннего света.

«Теперь мне страшно ещё и потому, что это глупо».

Так Давид провёл первую психологическую консультацию. Она закончилась неудачно: пациент разделился на семь частей, три из которых стали звёздами, две — законами природы, а оставшиеся впоследствии утверждали, что никогда его не знали.

Давид сделал первый вывод: объяснение страха не всегда уменьшает страх. Иногда оно выдаёт ему удостоверение личности.

Второй пациент возник значительно позже, когда материя уже научилась держать форму. Он назвал себя Мавером. В нём впервые соединились память, желание и способность сравнивать настоящее с тем, чего хотелось бы.

— Я страдаю, — сказал Мавер.

— От чего?

— Мир не соответствует моим ожиданиям.

— А откуда у мира сведения о ваших ожиданиях?

Мавер обиделся. Обида оказалась новым чувством и сразу показала большие перспективы.

Он хотел перестать страдать. Давид предложил ему принять несовершенство мира, но Мавер предпочёл более практичное решение: избавиться от всего, что причиняет боль.

— Если убрать страх, я стану свободным.

- Без страха ты перестанешь замечать опасность.
- Тогда уберу опасность.
- Для этого придётся убрать неизвестность.
- Уберу и её.
- Потом любовь. Она делает утрату возможной.
- Значит, и любовь.

Давид впервые почувствовал то, что через миллионы лет назовут профессиональным беспокойством.

Мавер ушёл в молодую Вселенную. За ним осталась область абсолютной тишины, в которой энергия больше не сталкивалась, материя не менялась, а будущее не наступало.

Перед уходом он сказал:

- Однажды ты согласишься со мной. Когда устанешь хоронить тех, кого полюбишь.

Давид не ответил.

Тогда он ещё никого не хоронил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Человек, который опоздал на три миллиона лет

ГЛАВА I

Последняя запись на четверг

Давид Лонгин принимал в небольшом кабинете на Таганке. Дом был старым, лифт — нравственным испытанием, а сосед сверху играл на трубе так, будто хотел вызвать падение Иерихона повторно.

На двери висела табличка:

«Психолог-консультант. Предварительная запись обязательна. Боги принимаются вне очереди только при угрозе конца света».

Большинство клиентов улыбалось. Двое фотографировали. Один потребовал уточнить, считается ли развод локальным апокалипсисом.

В четверг последней была записана София Миронова, сорок два года, клинический психолог, преподаватель, специалист по памяти и последствиям травмы. В примечании она написала: «Личная консультация. Возможен бред величия у консультанта».

Давиду она заранее понравилась.

Она вошла ровно в восемь вечера. Высокая, коротко стриженная, в тёмно-зелёном пальто. Не оглядывалась, не выбирала кресло, не спрашивала, куда повесить одежду. Люди, привыкшие работать с чужими кризисами, обычно быстро занимают пространство: иначе пространство занимает их.

— Давид Лонгин?

— Последние сто сорок лет — да.

— Хорошее начало для постановки диагноза.

София положила на стол глиняную пластину размером с ладонь. На ней тянулись углубления, похожие одновременно на письма и следы когтей.

— Это нашли при строительстве в Москве, — сказала она. — Слой нарушен. Возраст установить не смогли. Геологи говорят, материал старше самой местности. Археологи говорят, геологи сошли с ума. Геологи отвечают взаимностью.

Давид не притронулся к пластине.

Надпись была сделана до появления письменности. До появления рук, способных держать резец. До появления глины.

«Когда люди добровольно откажутся от боли, Мавер вернётся. Найди женщину, которая помнит чужое».

Ниже стоял знак Давида.

— Вы можете это прочесть, — сказала София.

Это не был вопрос.

— Почему вы так решили?

— Потому что испугались.

— Психологи не ставят вывод по одному движению лица.

— Плохие — ставят. Хорошие ждут второе.

Давид поднял глаза.

— Откуда она у вас?

— Её держала моя пациентка, когда выпрыгнула из окна.

— Погибла?

— Встала и пошла домой. С восьмого этажа.

За стеной раздался протяжный трубный звук. Давид подумал, что конец света всё-таки решил записаться без очереди.

ГЛАВА 2

Женщина без горя

Пациентку звали Елена Баранова. Три месяца назад она потеряла шестилетнюю дочь. Первые недели плакала, не спала, винила врачей и себя. Потом однажды проснулась совершенно спокойной.

София сначала решила, что сработала психическая защита. Оцепенение после утраты бывает спасительным: разум выдаёт боль малыми порциями, иначе человек может захлебнуться ею целиком.

Но Елена не оцепенела. Она прекрасно работала, шутила, строила планы. Из квартиры убрала детские вещи, фотографии и рисунки.

— Она не подавила горе, — сказала София. — Она потеряла способность понимать, почему должна горевать. Помнит дочь как факт. Не чувствует связи.

— И поэтому выпрыгнула?

— Хотела проверить, осталось ли чувство опасности.

— Результат?

— Не осталось. Как и переломов.

Давид взял пластину. Глина была тёплой.

— Где Елена сейчас?

— Исчезла. Перед уходом сказала, что нашла место, где лечат навсегда.

— Люди особенно доверяют слову «навсегда». Оно освобождает их от необходимости читать условия.

София достала телефон и показала фотографию визитной карточки. Белый прямоугольник без адреса. Серебряными буквами было написано: «Центр окончательного покоя. Мы избавим от того, что болит».

— Телефон не существует, — сказала она. — Адрес появляется только после полуночи. Сегодня это Ордынский тупик, дом ноль.

— Такого дома нет.

— Поэтому я пришла к человеку, который старше московской адресной системы.

Давид улыбнулся.

— Вы уже решили, кто я?

— Нет. Среди вариантов мошенник, психопат, участник секретного эксперимента, бессмертный и очень одинокий мужчина с чрезмерно сложной биографией.

— Какой вариант лидирует?

— Одинокий мужчина. Остальные обычно лучше одеваются.

Давид посмотрел на рукав старого пиджака. Этот фасон вошёл в моду при Александре Втором, вышел при Александре Третьем и с тех пор ожидал реабилитации.

— Встретимся в половине двенадцатого, — сказал он. — У метро «Третьяковская».

— Вы согласны помочь?

— Нет. Я согласен проверить адрес.

— Разница?

— Помощь создаёт обязательства. Проверка создаёт факты.

— А факты?

— Обычно создают обязательства.

Когда София ушла, Давид открыл нижний ящик стола. Там лежали журналы наблюдений: кожа, папирус, береста, бумага, электронные накопители. Самая старая запись существовала в кристалле, который помнил тепло первой звезды.

На его поверхности загорелись слова:

«Мавер начал лечение».

ГЛАВА 3

Дом номер ноль

Ордынский тупик оказался короче, чем помнил Давид. Москва вообще умела менять длину улиц в зависимости от цены земли и исторической необходимости.

В половине первого между домами появилась узкая белая дверь. До полуночи там была кирпичная стена. Камера телефона показывала стену по-прежнему.

— Галлюцинация? — спросила София.

— Совместная галлюцинация обычно называется культурой. Но это дверь.

— Откуда уверенность?

— У неё петли наружу. Галлюцинации редко уделяют внимание столярному делу.

За дверью находилась приёмная. Белые стены, белый пол, девушка в белом костюме. Даже воздух казался выглаженным.

— Доброй ночи, — сказала девушка. — Какая боль мешает вам жить?

— Чужая глупость, — ответил Давид.

— Такой услуги нет.

— Я знаю. Проверял в разных эпохах.

Девушка не улыбнулась. На её лице отсутствовали мелкие напряжения, которыми человек бессознательно сопровождает разговор. Не было любопытства, раздражения, настороженности. Лицо выполняло функцию интерфейса.

София заполнила анкету вымышленными данными. Вопросы начинались привычно: сон, тревога, утраты. Затем становились страннее.

«Есть ли воспоминание, ради которого вы готовы сохранить боль?»

«Считаете ли любовь достаточным основанием для страдания?»

«Согласны ли вы отказаться от свободы выбора, если выбор перестанет причинять беспокойство?»

— Последний вопрос прячется под видом согласия на обработку данных, — заметила София.

— Человечество давно приучили соглашаться с тем, чего оно не читает.

Из коридора вышла Елена. Увидела Софию, вежливо кивнула.

— Вам лучше уйти. Здесь хорошо.

— Где ваша дочь? — спросила София.

— Умерла.

— Как её звали?

Елена задумалась.

— Какая разница?

София побледнела.

Давид шагнул к Елене и коснулся её виска. Он увидел чисто вырезанное пространство памяти. События сохранились, чувства исчезли, связи между ними были аккуратно рассечены.

В глубине пустоты стоял Мавер.

Теперь он выглядел человеком: высокий мужчина с бесцветными глазами. На нём был современный костюм, скроенный безупречно и потому незапоминающийся.

«Ты устал», — произнёс он внутри памяти.

«Нет».

«Тогда почему столько веков не открывал свои записи?»

Давид отдёрнул руку.

Белая приёмная исчезла. Они с Софией стояли в тупике перед кирпичной стеной. Рядом плакала Елена.

— Я не помню её имя, — повторяла она. — Господи, я не помню имя дочери.

Давид впервые за много тысяч лет почувствовал, что опоздал.

ГЛАВА 4

Титан, который хотел быть прав

Первых титанов люди позднее представили великанами. Это было удобно: большую ошибку легче простить существу большого размера.

На самом деле титаны были первыми устойчивыми разумами, способными придавать себе любую форму. Они строили горы, меняли течение морей и спорили так долго, что материки успевали разойтись.

Одного звали Ормас. Он пришёл к Давиду после ссоры с братом.

— Он неправ, — сообщил титан.

— В чём?

— Во всём. И особенно в том, что не признаёт этого.

Давид попросил рассказать о предмете спора. Ормас объяснял шесть лет. За это время вырос лес, высохло озеро и возникли три религии, каждая из которых считала паузу в его речи знаком свыше.

— Чего вы хотите? — спросил Давид, когда титан закончил.

— Истины.

— Или победы?

Ормас поднялся. Небо потемнело.

— Это одно и то же.

— Только когда истина совпадает с вами.

Титан ушёл, разрушив по дороге горный хребет. Через столетие вернулся.

— Брата больше нет, — сказал он.

— Вы победили?

— Да.

— Почему тогда вы здесь?

Ормас долго молчал.

— Теперь некому признать, что я был прав.

Именно тогда Давид понял: спор редко служит поиску истины. Чаще человек защищает в нём своё место среди других. Если лишить противника возможности сохранить достоинство, он будет держаться за ошибку крепче, чем за жизнь.

Мавер наблюдал за разговором издалека.

— Я могу избавить его от потребности быть правым, — предложил он.

— Вместе с ней исчезнет способность выбирать убеждения.

— Зато исчезнут войны.

— Нет. Останутся причины, а люди перестанут замечать, зачем воюют.

Мавер рассмеялся. Тогда смех ещё не означал веселья. Он означал: «Я услышал тебя и не собираюсь меняться».

Теперь, стоя в московском тупике рядом с плачущей женщиной, Давид вспомнил Ормаса. Мавер не уничтожал чувства случайно. Он повторял старый замысел: удалял причины внутреннего конфликта одну за другой.

— Кто это был? — спросила София.

— Мой второй пациент.

— Насколько второй?

— До него ещё не существовало тел.

София посмотрела на него без улыбки.

— Хорошо. Допустим. А первый?

— Первый боялся исчезнуть.

— И исчез?

— Частично стал звёздами.

— Почему я не удивляюсь?

— Профессиональная деформация.

Елена подняла мокрое лицо.

— Аню звали Аня, — прошептала она.

Связь вернулась вместе с болью. Елена закричала.

София обняла её. Давид стоял рядом и знал, что сейчас делает меньше всех. Иногда лучшая помощь не требует мудрости. Требуется рук.

ГЛАВА 5

Память Софии

Утром они отвезли Елену в клинику, где работала София. Давид подписал бумаги именем, указанным в паспорте. Паспорт был настоящим. Давид всегда тщательно относился к документам; несколько цивилизаций погибли от пренебрежения формальностями, хотя историки предпочитали более героические объяснения.

— Теперь рассказывайте всё, — потребовала София в ординаторской.

— Это займёт около четырёх миллионов лет.

— Начните с сокращённой версии.

— Я живу долго. Мавер тоже. Он считает страдание дефектом сознания и хочет его устранить.

— А вы считаете страдание необходимым?

— Я считаю необходимой способность его переживать. Боль сообщает о нарушенной связи. Удалить её проще, чем восстановить связь, но результат обычно хуже.

— Это относится к психической боли. А бессмысленные мучения? Травма ребёнка? Пытки? Война?

— Они не становятся полезными оттого, что человек может из них чему-то научиться. Романтизация страдания — удобная жестокость наблюдателя.

София впервые посмотрела на него с одобрением.

— Значит, вы не собираетесь рассказывать, что всё происходит зачем-то.

— Происходящее чаще имеет причины, чем смысл. Смысл человек создаёт после, если остаётся жив.

Она отвернулась к окну.

— Я знаю эту фразу.

— Только что её сказал.

— Нет. Я слышала её в детстве. Во сне.

София рассказала, что с шести лет видит чужие воспоминания. Женщина у костра, прячущая младенца от вооружённых мужчин. Девушка в храме, спорящая с жрецом. Лекарь в городе, охваченном чумой. Учительница, которую ведут на казнь за ересь. Каждый сон заканчивается одним и тем же мужским голосом: «Смысл создают те, кто остался».

— В нашей семье это называли женской болезнью, — сказала она. — Мать видела то же самое. Бабушка тоже. Мы обращались к врачам, священникам и однажды к экстрасенсу. Последний оказался самым дорогим и наименее удивлённым.

Давид почувствовал знакомое движение памяти.

Лиора.

Женщина первого человеческого поселения. Та, которая научила его, что присутствие рядом иногда важнее правильного ответа. Та, которую он похоронил у реки двести восемьдесят тысяч лет назад.

— Вашу прародительницу звали Лиора, — сказал он.

— Откуда вы знаете?

— Я был рядом, когда началась ваша память.

— Вы её любили?

Он мог солгать. За миллионы лет Давид научился делать это без единого внешнего признака.

— Да.

София кивнула, словно услышала подтверждение давно известного диагноза.

— Тогда постарайтесь не перепутать меня с ней.

ГЛАВА 6

Лиора и первое молчание

Когда Давид впервые принял человеческое тело, оно показалось ему неудобным. Оно мёрзло, требовало пищи, уставало и настойчиво напоминало о себе болью. Зато обьятие в теле имело смысл, которого энергия не знала.

Лиора была дочерью женщины, умевшей находить воду. Она не считала Давида богом: бог, по её мнению, должен был лучше ориентироваться в лесу и реже наступать в костёр.

Люди её племени ещё не имели слов для большинства чувств. Страх обозначался звуком, похожим на выдох. Гнев — ударом ладони по груди. Горе не обозначалось никак. Его просто переносили вместе.

Однажды на поселение напала другая группа. Погибли семеро, среди них брат Лиоры. Она сидела рядом с телом до рассвета.

Давид говорил ей о естественном круге жизни, сохранении памяти и необходимости продолжать путь. Это были разумные мысли. Каждая делала ей хуже.

— Замолчи, — сказала Лиора.

Он замолчал.

Через некоторое время она положила голову ему на плечо.

Так Давид открыл молчание, которое не являлось пустотой.

Мавер пришёл ночью.

— Я могу убрать её боль.

— Нет.

— Ты предпочитаешь смотреть, как она страдает?

— Я предпочитаю, чтобы решение принадлежало ей.

Мавер спросил Лиору. Она долго смотрела на него.

— Если ты заберёшь боль, я забуду брата?

— События останутся.

— А любовь?

— Она больше не будет ранить.

— Значит, станет чем-то другим.

Лиора отказалась.

Спустя годы она умерла от раны. Давид держал её за руку и впервые просил Мавера о помощи.

— Убери мою боль, — сказал он.

— Вместе с любовью?

— Делай что хочешь.

Мавер коснулся его сознания, но отступил.

— Не могу. Ты слишком крепко держишься.

Тогда Давид сам отделил часть памяти, заключил её в потомках Лиоры и запретил себе к ней возвращаться. Он называл это сохранением. На самом деле это было избегание, которому он придумал благородное имя.

Перед смертью Лиора сказала:

— Когда-нибудь одна из нас вернёт тебе то, что ты спрятал.

Теперь эта женщина сидела напротив него в московской ординаторской и просила не путать её с умершей.

— Не буду, — пообещал Давид.

София протянула ему чашку кофе.

— Вы уже перепутали. Она, наверное, готовила лучше.

Кофе был чудовищным.

Давид выпил весь.

ГЛАВА 7

Клиника спокойных людей

К полудню в приёмное отделение поступили двенадцать человек. Никто не жаловался. Один сломал руку и терпеливо наблюдал, как кость выпирает под кожей. Женщина с ожогом спокойно объясняла, что не убрала ладонь с плиты, потому что не видела причины прерывать приготовление ужина.

У всех отсутствовал страх. У троих — чувство боли. У пятерых — привязанность к близким.

— Это распространяется, — сказала София.

— Не как инфекция. Как предложение.

В телефонах пациентов Давид нашёл одинаковое приложение — «Тише». Оно обещало измерять уровень тревоги. Пользователь отмечал болезненное воспоминание, слушал минутную запись и получал облегчение.

Разработчик значился как ООО «Мера».

— Мавер, — сказала София.

— Он всегда любил анаграммы. Считает их доказательством тонкости.

Они открыли запись. Мягкий голос предлагал представить боль в виде предмета, отойти от неё и наблюдать без оценки. Начало напоминало обычную практику дистанцирования. Потом возникал почти неслышимый второй голос:

«То, что не принадлежит тебе, можно оставить».

— Опасная подмена, — сказала София. — Наблюдать чувство — не значит отказываться от него.

— Мавер берёт рабочие методы и доводит их до окончательности. Любой инструмент становится оружием, если им пытаются решить всё.

На экране появилась надпись: «Обновление завершено. Следующий этап — вина».

В тот же миг в коридоре закричала медсестра. Мужчина со сломанной рукой поднялся и ударил врача, пытавшегося его остановить.

— Зачем вы это сделали? — спросила София, когда его удержали.

— Он мешал мне уйти.

— Вам не стыдно?

Мужчина прислушался к себе.

— Уже нет.

Давид посмотрел на Софию.

— Началось.

ГЛАВА 8

Бог с идеальной самооценкой

Бога звали Астэр. Он управлял грозами, урожаем и мнением окружающих о собственном величии. Последнее занимало большую часть рабочего времени.

— Люди меня разлюбили, — пожаловался он Давиду.

— Что произошло?

— Они стали поклоняться моему брату.

— Почему?

— Он послал дождь.

— А вы?

— Послал им засуху, чтобы они поняли, кого потеряли.

У Астэра была безупречная самооценка: настолько безупречная, что реальность воспринималась как личное оскорбление. Давид объяснил ему разницу между достоинством и необходимостью постоянного подтверждения превосходства.

— Значит, я не обязан быть лучше всех?

— Не обязаны.

— А они обязаны это признавать?

Работа предстояла долгая.

Мавер предложил убрать у бога стыд. Астэр согласился. На следующий день объявил себя создателем мира, потребовал поклонения и начал войну с небом за недостаточно торжественный закат.

— Верни ему стыд, — потребовал Давид.

— Зачем? Теперь он уверен в себе.

— Уверенность без способности сомневаться превращается в разрешение на любую жестокость.

Мавер пожал плечами.

— Люди всё равно будут мечтать о ней.

Он оказался прав. Во все последующие эпохи Давид встречал людей, желавших навсегда избавиться от стыда, вины и сомнений. Они считали эти чувства слабостью. Некоторые становились правителями.

Другие — руководителями отделов.

В современной Москве приложение «Тише» начало удалять вину у сотен тысяч пользователей.

Давид понял план Мавера. Он шёл по базовым связям личности. Страх предупреждал об опасности. Вина удерживала от повторения вреда. Горе сохраняло значение утраченной связи. Стыд сообщал о разрыве между человеком и группой. Эти чувства могли становиться разрушительными, чрезмерными, ложными. Их следовало понимать и регулировать.

Мавер предлагал ампутацию вместо лечения.

Телефон Софии зазвонил. Она выслушала несколько фраз и медленно опустила руку.

— Что случилось?

— Моя мать установила «Тише» месяц назад. Сегодня ушла из дома. Оставила записку: «Материнство оказалось навязанной привязанностью».

Давид закрыл глаза.

— Мы её найдём.

— Не обещайте того, чего не знаете.

— Это не прогноз.

— А что?

— Решение.

ГЛАВА 9

След материнской любви

Мать Софии звали Надежда Петровна. Семьдесят два года, бывший преподаватель литературы, гипертония, привычка звонить дочери после каждой передачи о здоровье и сообщать, что врачи опять всё скрывают.

Из дома она ушла в лёгких туфлях. На улице шёл мокрый снег.

София просматривала записи камер, Давид стоял у окна и пытался не вспоминать всех матерей, которых видел за долгую жизнь. Материнство часто описывали как безусловную любовь. Он знал, что это красивая неточность. Материнская любовь состояла из тысячи условий: чтобы ребёнок дышал, ел, вернулся до темноты, не связывался с неподходящими людьми и надел шапку. Безусловным было другое — готовность продолжать заботу, даже когда все условия нарушены.

Камера у подъезда показала Надежду Петровну. Она остановилась, сняла шарф и оставила его на скамейке.

— Мамин любимый, — сказала София. — Я подарила.

Давид коснулся экрана. Эмоциональный след вещи был слаб, но не исчез. Он увидел белый коридор и знак станции метро.

— «Китай-город».

— Вы читаете отражение на стекле?

— Нет. Шарф помнит направление.

— Это звучит хуже, чем бессмертный психолог.

Они нашли Надежду Петровну в подземном переходе. Она сидела у стены рядом с другими пожилыми людьми. Все ожидали автобус, который должен был отвезти их в Центр окончательного покоя.

— Мама.

Надежда посмотрела на Софию спокойно.

— Ты всё-таки пришла.

— Почему ушла?

— Устала бояться за тебя. В сорок два года ты всё ещё звонишь слишком редко, работаешь слишком много и выбираешь мужчин, которых приходится объяснять подругам.

— Поэтому решила перестать быть моей матерью?

— Нет. Перестать тревожиться.

— Вместе с тревогой исчезла связь.

Надежда отвела взгляд. Внутри неё ещё оставалась тонкая нить привязанности. Мавер не успел закончить работу.

Давид сел рядом.

— Вы помните первый день Софии в школе?

— Конечно.

— Чего боялись?

— Что она останется одна. Другие дети... Она всегда говорила странные вещи. Про чужие жизни, древние города.

— Этот страх был только болезнью?

Надежда посмотрела на дочь. Пальцы сжали край пальто.

— Нет.

— Часть страха защищала важное. Нам не нужно возвращать его целиком. Достаточно вспомнить, что именно он охранял.

Автобус появился без звука. Белый, без номера и водителя.

Двери открылись.

— Господин Лонгин, — произнёс голос из салона. — Мавер приглашает вас на профессиональную дискуссию.

— Передайте, что у меня плотная запись.

— Он уже перенёс всех ваших клиентов.

Давид взглянул на телефон. Календарь был пуст до конца года.

— Вот поэтому, — сказал он Софии, — я никогда не любил администраторов.

ГЛАВА 10

Автобус окончательного покоя

В автобус вошли семнадцать человек. Давид, София и Надежда Петровна стали восемнадцатым, девятнадцатой и первым пассажиром, который громко потребовал вернуть ей шарф.

— Он дорог как память, — сказала Надежда.

София ничего не ответила, только взяла мать за руку.

За окнами менялась Москва. Сначала исчезли вывески, затем прохожие, потом цвета. Город становился удобнее и мертвее. Машины двигались без нарушений, люди не спорили, никто не торопился. На перекрёстке ребёнок упал, но мать не обернулась: тревога была устранена.

— Это модель, — сказал Давид. — Мавер показывает результат.

— Зачем?

— Он всё ещё хочет моего согласия.

В конце салона сидел мужчина в сером пальто. На коленях держал портфель. Его звали Аркадий Белецкий; это имя Давид прочёл на визитке, выглядывавшей из кармана.

— Вы сотрудник центра? — спросила София.

— Независимый наблюдатель.

— За кем наблюдаете?

— За всеми. Это позволяет не отвечать за конкретного человека.

Белецкий оказался социологом, консультировавшим «Меру». Компания обещала снизить тревожность населения, агрессию и число самоубийств. Первые результаты выглядели блестяще. Люди переставали жаловаться, обращаться за помощью и сообщать о несчастьях.

— Статистика улучшилась, — сказал он.

— А люди? — спросила София.

— Это более сложный показатель.

Давид знал этот тип мышления. Число превращалось в ширму, когда человеку не хотелось видеть лицо за ним. Измерение помогало понимать мир, но давало приятную возможность не прикасаться к нему.

— Вы знали, что приложение меняет личность?

— Оно уменьшает негативные состояния.

— Вон та женщина оставила маленького сына одного дома, — сказал Давид. — У неё уменьшили тревогу за ребёнка.

Белецкий посмотрел на пассажирку.

— Побочные эффекты требуют дополнительного исследования.

Надежда Петровна поднялась и ударила его сумкой.

— Зафиксируйте положительную динамику, — сказала она.

Автобус остановился под землёй. За дверями открылся огромный зал, похожий на вокзал без путей. Тысячи людей сидели в креслах. Над каждым светило слово: «страх», «горе», «вина», «стыд», «любовь».

У дальней стены стоял Мавер.

— Добро пожаловать, Давид. Я построил место, о котором мечтали все твои пациенты.

— Тюрьму без решёток?

— Мир без боли.

— Разница только в рекламе.

ГЛАВА 11

Дракон, который копил безопасность

Дракона звали Руах. Он появился задолго до человеческих легенд, когда горы ещё меняли высоту от настроения земной коры. Руах собирал блестящие камни, металлы и редкие предметы. Люди позднее решили, что драконы любят золото. На самом деле они любили предсказуемость: сокровище лежало там, где его оставили, и не умирало внезапно.

— Мне мало, — признался Руах.

Его пещера была заполнена до свода.

— Сколько будет достаточно?

— Ещё.

— Это не число.

— Поэтому его трудно достичь.

Давид попросил дракона провести день без сокровищ. Руах согласился, но взял с собой небольшой сундук на случай непредвиденной бедности. В сундуке лежал сундук поменьше.

Страх Руаха возник после гибели кладки. Пока он охранял яйца, чувствовал себя беспомощным. Потом решил, что сила определяется запасом. Каждая новая монета на несколько мгновений возвращала ощущение контроля, а затем тревога усиливалась: теперь было что терять.

— Ты копишь не золото, — сказал Давид. — Ты копишь обещание, что больше никогда не будешь беспомощным.

— И что в этом плохого?

— Обещание не выполняется.

Мавер предложил удалить страх потери. Руах отказался.

— Без страха я оставлю сокровища без охраны.

— Они тебе не понадобятся.

— Тогда кем я буду?

Этот вопрос спас дракона. Он впервые увидел, что страх стал частью личности, но не обязан оставаться её хозяином. Руах отдал половину сокровищ на восстановление долины, разрушенной им при добыче золота. Вторую половину сохранил.

— Почему не всё? — спросил Давид.

— Лечение жадности не должно приводить к глупости.

Через тысячелетия поведение Руаха назвали бы циклом отрицательного подкрепления: действие временно уменьшает тревогу и поэтому повторяется, хотя в долгой перспективе укрепляет её. Давиду нравилось, когда люди давали точные названия старым ловушкам. Название не освобождало, но помогало найти дверь.

В подземном центре Мавер показал ему сектор тревоги. Тысячи людей сидели перед экранами, на которых исполнялись их худшие ожидания. Затем изображения исчезали вместе со способностью тревожиться.

— Я закончил работу, которую ты бросил, — сказал Мавер.

— Руах научился жить со страхом.

— Руах умер.

— Но успел жить.

— А мог продолжать вечно.

В голосе Мавера Давид услышал не убеждение, а старую обиду.

ГЛАВА 12

Первый спор Софии с вечностью

Мавер провёл их в кабинет. На стенах не было окон, часов и фотографий. Человек без прошлого и будущего счёл бы это помещение идеальным.

— Вы хотите вылечить человечество без его согласия, — сказала София.

— Человечество веками просит об этом. Каждая молитва об избавлении от боли — согласие.

— Просьба уменьшить страдание не равна отказу от чувств.

— Это говорит человек, который не знает настоящего страдания.

Мавер коснулся стола. София увидела мать в больничной палате, отца после инсульта, собственное одиночество, пациентов, которых не сумела спасти. Воспоминания пришли одновременно.

Она схватилась за край стола, но осталась стоять.

— Хотите, чтобы я это убрал? — спросил Мавер.

— Сейчас — да.

Он улыбнулся.

— Вот видишь, Давид.

— Она сказала, чего хочет сейчас. Не что выбирает.

София выпрямилась.

— Боль сужает мышление. Поэтому решение, принятое на её пике, нельзя считать свободным.

— Вы находите условия, при которых любой выбор можно объявить недействительным.

— А вы создаёте условия, в которых человек согласится на что угодно.

Мавер впервые посмотрел на неё внимательно.

— Ты несёшь память Лиоры.

— Я не Лиора.

— Ты повторяешь её ответ.

— Значит, он по-прежнему хороший.

Мавер предложил сделку. Давид публично признает его метод допустимым, и Центр вернёт чувства всем, кто не давал осознанного согласия. Остальные смогут выбрать окончательный покой добровольно.

— Выбор между болью и немедленным облегчением нечестен, — сказал Давид.

— Любой выбор нечестен. У людей разное детство, тело, способности, деньги и удача.

Ты требуешь идеальной свободы, которой никогда не существовало.

В этом он был прав. Давид ненавидел противников, правых в неудобных местах.

— Дайте нам семь дней, — сказала София.

— Зачем?

— Чтобы предложить третий вариант.

— Его нет.

— Тогда вам нечего бояться.

Мавер согласился. Самоуверенность часто открывала двери, которые мужество не могло выбить.

Когда они вышли, Давид спросил:

— У вас есть третий вариант?

— Нет.

— Тогда зачем семь дней?

— Чтобы придумать.

— Не слишком научно.

— Зато человечно.

ГЛАВА 13

Сократ и неудобный вопрос

В Афинах Давид встретил человека, который лечил не ответами, а вопросами. Сократ не называл себя психологом и вообще редко называл себя тем, чем его считали другие.

— Ты утверждаешь, что живёшь очень долго, — сказал он Давиду. — Откуда ты это знаешь?

— Я помню прошлое.

— Во сне люди тоже помнят то, чего не было.

— Мои воспоминания подтверждаются.

— Кем?

— Теми, кто там присутствовал.

— И они тоже могут ошибаться.

Через час Давид начал сомневаться не только в возрасте, но и в существовании собственных ног. Это было освежающе.

Сократ показал ему важную вещь: человек нередко защищает не знание, а чувство, что знает. Хороший вопрос лишает его привычной опоры. Плохой загоняет в угол и вызывает сопротивление.

— Вопрос должен открывать дверь, — сказал Давид.

— А если за дверью пусто?

— Тогда человек впервые увидит размер своего знания.

Мавер наблюдал за афинянами, спорившими на площади.

— Они устанут от неопределённости, — сказал он. — Им понадобится кто-то, кто даст окончательный ответ.

— И заплатят свободой?

— С радостью. Свобода утомляет. Она требует выбирать и отвечать за выбор.

Спустя века Давид увидел, насколько точным было предсказание. Люди охотно принимали простые ответы, особенно если те объясняли, кто виноват.

В московском кабинете София записывала на доске вопросы:

«Можно ли избавиться от боли, сохранив значение?»

«Где заканчивается помощь и начинается власть?»

«Способен ли человек выбирать чувство?»

— Мы неправильно ставим задачу, — сказал Давид. — Нельзя вернуть людям чувства силой. Это будет тот же метод Мавера с противоположным знаком.

— Значит, нужно вернуть возможность выбора.

— Для этого человек должен увидеть, что теряет.

София написала ещё один вопрос:

«Что останется от меня без моей боли?»

Давид посмотрел на неё.

— Это жестоко.

— Правда иногда жестока.

— Нет. Жестоким бывает способ её сообщить. Правда всего лишь не умеет выбирать время.

ГЛАВА 14

Человек, который хотел забыть войну

Его звали Самир. Он жил в городе, название которого менялось столько раз, что войска разных царей считали его каждый раз новым завоеванием.

Самир вернулся с войны один. По ночам слышал крики, днём видел погибших среди прохожих. Он избегал площади, запаха горелого масла и собственного сына, потому что мальчик напоминал погибшего товарища.

— Забери память, — просил он Давида.

— Она вернётся другим путём.

— Тогда забери меня.

Давид не располагал словами «травматическая память», «избегание» и «гипервозбуждение», но видел закономерность. Память Самира хранилась не как рассказ о прошлом, а как сигнал продолжающейся опасности. Тело всё ещё жило на войне.

Они начали с малого. Самир учился замечать землю под ногами, различать звук рынка и звук боя, возвращаться в текущий день. Затем рассказал историю одному человеку, потом двум. Давид не заставлял его вспоминать всё. Мужество без безопасности легко превращается в повторную травму.

Через год Самир впервые обнял сына.

— Я не забыл, — сказал он. — Но воспоминание больше не входит в дом раньше меня. Мавер был недоволен.

— Ты растянул его мучение на год. Я справился бы мгновенно.

— Ты удалил бы часть человека.

— Люди постоянно меняются.

— Изменение и утрата не одно и то же.

— Для бессмертного разница важна. Смертные всё равно потеряют всё.

Давид запомнил эту фразу. В ней пряталась причина Мавера: он не презирал смертных. Он завидовал их способности заканчивать боль естественным пределом.

В современной Москве приложение тем временем предложило ветеранам, жертвам насилия и людям после катастроф бесплатный «расширенный курс освобождения». Миллионы скачали обновление.

— Через два дня оно активируется одновременно, — сказала София. — Почему ждёт?

— Ему нужна критическая масса. Чувства существуют не только внутри отдельных людей. Мы заражаем друг друга страхом, смелостью, гневом, надеждой. Он хочет изменить общий эмоциональный фон.

— Коллективное бессознательное?

— Юнг предложил полезный образ. Но Мавер работает не с мистическим складом символов. Он использует связи между людьми. Сейчас они проходят через телефоны быстрее, чем когда-то через костёр и площадь.

— Можно отключить серверы.

— Серверы только дверь. Дом находится глубже.

— Где?

Давид указал на глиняную пластину.

— В первой памяти человечества.

ГЛАВА 15

Путешествие внутрь первого страха

Чтобы войти в общую память, требовались три вещи: носитель древней связи, свидетель и тот, кто согласится открыть дверь изнутри.

Носителем была София. Свидетелем — Давид. Третьего не было.

— Я открою, — сказала Надежда Петровна.

— Вы только что подверглись воздействию приложения.

— Поэтому знаю, что там. Пустота убедительна первые полчаса. Потом замечаешь, что тебе даже скучно не бывает.

София возражала. Мать выслушала её и сделала то, что матери делают с аргументами взрослых дочерей: признала их разумными и продолжила по-своему.

Они сели кругом в кабинете Давида. Глиняная пластина лежала между ними. За стеной трубач начал гамму.

— Если мы не вернёмся? — спросила Надежда.

— Сосед вызовет полицию из-за тишины, — сказал Давид. — Он к ней не привык.

Они вошли в память.

Сначала исчезли стены. Затем тела. Давид снова стал движением энергии, София — тёплой линией света, Надежда — маленькой устойчивой точкой, раздражённой отсутствием пола.

— Где поставить ноги? — спросила она.

— Ног пока нет.

— Неудобно организовано.

Перед ними дрожал первый пациент Давида. Он боялся исчезнуть. Давид увидел то, чего не заметил тогда: рядом находился второй слабый свет. Пациент боялся не собственного исчезновения. Он боялся потерять другого.

Первый страх родился из первой связи.

Мавер искажил эту память. Он вырезал второй свет, превратив страх в бессмысленное внутреннее нарушение.

— Вот третий вариант, — сказала София. — Возвращать не боль. Возвращать связь, о которой она сообщает.

Вокруг них развернулась тьма. Мавер появился сразу во всех направлениях.

— Связь и создаёт боль.

— Да, — ответила София. — И значение.

— Значение — человеческая выдумка.

— Разумеется. Поэтому оно принадлежит нам.

Тьма сжалась. Надежда Петровна схватила Софию за световую линию, хотя рук по-прежнему не было.

— Давид, выводите нас, — сказала София.

Он попытался. Дверь исчезла.

Мавер запер их в воспоминании, которое существовало до времени. Снаружи до активации приложения оставалось два дня. Внутри слово «день» ничего не означало.

ГЛАВА 16

Будда и искусство не цепляться

Они выбирались через воспоминания Давида. Каждое служило дверью в следующее, но Мавер менял направление. Вместо Москвы возникла пыльная дорога древней Индии.

Под деревом сидел человек, рядом с которым тишина не казалась пустотой. Давид беседовал с ним много раз, хотя позднейшие рассказы перемешали встречи, имена и века.

Человек говорил о страдании, жажде удержать изменчивое и внимании, способном видеть мысль без немедленного подчинения ей.

Мавер услышал только удобную часть: привязанность причиняет боль.

— Он подтвердил мою правоту, — сказал Мавер тогда.

— Нет. Ты перепутал свободу от цепляния с неспособностью любить.

— Любовь всегда хочет удерживать.

— Иногда. А иногда позволяет уйти.

София наблюдала воспоминание со стороны.

— Вы учились у него?

— Учился замечать, как желание прекратить боль усиливает борьбу с ней. Но люди позднее превратили и это в соревнование: кто правильнее ни к чему не привязан.

— Вам обязательно шутить о каждом учении?

— Нет. Только о тех, которые пережили своих основателей.

Надежда Петровна подошла к сидящему под деревом человеку. Тот открыл глаза, хотя был лишь воспоминанием.

— Вы настоящий? — спросила она.

— Достаточно для вашего вопроса.

— Что делать матери, которая боится за взрослую дочь?

— Бояться, когда страх приходит. Отпускать, когда он требует владеть.

— Можно попроще?

— Звонить реже.

Надежда удовлетворённо кивнула.

Давид увидел выход: не сопротивляться направлению Мавера, а позволить памяти вести их туда, куда она движется сама. Принятие не означало бездействия. Оно означало отказ тратить силу на отрицание уже существующего положения.

Дорога растворилась. Они оказались в другом воспоминании — в саду, где молодой китайский чиновник спрашивал учителя, можно ли исправить государство, не научившись управлять собой.

Путь домой проходил через всю историю человеческой мысли.

ГЛАВА 17

Порядок снаружи и порядок внутри

Сад принадлежал человеку, чьё имя спустя века произносили миллионами способов. Давид запомнил не имя, а манеру слушать: учитель слегка наклонял голову, словно давал словам возможность самим выбрать правильное место.

Молодой чиновник хотел навести порядок в стране.

— Начну с наказаний, — сказал он. — Люди должны бояться нарушать правила.

— А кто научит правилам тех, кто назначает наказания? — спросил учитель.

— Они образованны.

— Образование даёт человеку средства. Оно не выбирает за него цель.

Чиновник пообещал исправить правителей.

— Начни с собственного дома.

Тот возмутился: жена не слушалась, отец вмешивался, брат был ленив, дети шумели. Именно поэтому, объяснил он, управлять государством представлялось легче.

Давид наблюдал, как из частной неспособности слышать другого рождается общественная теория принуждения. Через века семейные конфликты будут повторять политические, а политические — семейные. Власть часто пыталась получить от народа то послушание, которого человек не смог добиться от собственных детей.

София нашла выход из воспоминания. Она попросила Надежду Петровну рассказать, какое правило та нарушила первой.

— В двенадцать лет ушла ночью купаться, — призналась мать.

— И после этого запрещали мне гулять после девяти.

— Я знала, на что способны двенадцатилетние.

— Вы знали, на что были способны вы.

Сад дрогнул. Честно замеченное противоречие открыло следующую дверь.

— Все ваши великие путешествия сводятся к семейным разговорам? — спросила Надежда.

— Цивилизация и есть очень большой семейный разговор, — ответил Давид. — Только родственники вооружены.

Они шагнули в Рим.

ГЛАВА 18

Стоик в горящем городе

Город горел. Мужчина в простой одежде выносил из дома свитки, затем остановился и вернул их на землю, чтобы помочь раненому соседу.

— Ты потеряешь труды, — сказал ему Давид.

— Труды принадлежат огню. Поступок пока принадлежит мне.

Стоики учили различать то, что зависит от человека, и то, чем он не управляет. Идея была простой. Люди усложняли её двумя способами: пытались контролировать всё или объявляли независимым от себя то, за что не хотели отвечать.

Мавер особенно любил вторую ошибку.

— Если человек примет неизбежное, ему не будет больно, — утверждал он.

— Принять факт не значит одобрить его или перестать чувствовать.

— Какая практическая разница?

— Приняв смерть близкого, человек перестаёт спорить с фактом смерти. Но любовь и горе остаются. Он освобождает силы для жизни, а не стирает значение утраты.

В горящем городе София увидела девочку под рухнувшей балкой. Воспоминание уже произошло, но девочка смотрела прямо на неё.

— Помоги.

София бросилась к балке.

— Это прошлое, — сказал Давид. — Мы не можем изменить его.

— А можем пройти мимо?

Она подняла обломок. Давид помог. Вместе они вытащили девочку, и город изменился. В реальном прошлом её спас другой человек, но память проверяла не историю. Она проверяла выбор.

Мавер открыл перед ними две двери. На одной было написано «смирение», на другой — «действие».

— Ловушка, — сказала София. — Он заставляет выбрать то, что не противоречит друг другу.

Они не вошли ни в одну дверь. Разобрали стену между ними.

За стеной находилась Европа времён эпидемии.

ГЛАВА 19

Вина врача

Врач по имени Маттео лечил больных так, как позволяли знания его века. Он промывал раны, сжигал одежду умерших, требовал чистой воды. Иногда помогало. Чаще нет.

После смерти каждого пациента Маттео записывал своё имя в чёрную книгу.

— Зачем? — спросил Давид.

— Чтобы помнить, кого не спас.

— Вы записываете своё имя, а не их.

Маттео не понял вопроса.

Его вина выглядела нравственностью, но в глубине содержала убеждение в собственном всемогуществе. Если он виноват в каждой смерти, значит, мог предотвратить каждую смерть. Признать пределы было тяжелее, чем обвинить себя.

— Вина должна указывать на действие, которое можно исправить, — сказал Давид. — Когда она объявляет виновным всего человека, она перестаёт быть судьёй и становится палачом.

Маттео разорвал книгу. На следующий день совершил ошибку из-за усталости и завёл новую, куда записывал не имена, а решения: что сделал, что знал, чего не мог знать и что изменит в следующий раз.

София задержалась возле него.

— Один мой пациент покончил с собой, — сказала она Давиду. — Я много лет перебираю последний разговор. Ищу фразу, которая могла его остановить.

— Возможно, такая фраза существовала.

Она резко повернулась.

— Обычно говорят, что я не виновата.

— Обычно хотят быстро уменьшить боль. Я не знаю степени вашей ответственности. Знаю только, что бесконечный суд без новых доказательств не устанавливает истину.

— И что делать?

— Отделить горе от вины. Проверить решения. Исправить то, что можно. Остальное оплакать.

— Вы говорите это четыре миллиона лет и всё ещё не умеете сами.

— Поэтому говорю убедительно. Теория особенно привлекательна у человека, который не справился с практикой.

София неожиданно рассмеялась. Смех открыл дверь в венский кабинет начала двадцатого века.

ГЛАВА 20

Подвал профессора

Профессор внимательно слушал Давида и делал записи.

— Значит, вы утверждаете, что жили до возникновения человечества?

— Да.

— А ваш отец?

— У меня его не было.

Перо профессора оживилось.

— Мать?

— Тоже.

— Чрезвычайно показательно.

Давид уважал Фрейда за смелость войти в подвал человеческой психики, когда приличное общество утверждало, что подвала нет. Проблемы начинались, когда найденный там старый стул объявлялся причиной архитектуры всего дома.

Люди действительно скрывали от себя желания, воспоминания и конфликты. Вытесненное не исчезало; оно влияло на выбор, речь, тело и сны. Но ни один ключ не открывал все двери.

В соседнем воспоминании молодой Юнг рассматривал рисунки пациента и замечал образы, повторяющиеся в мифах разных народов. Он понимал, что отдельная жизнь пользуется древними символами, чтобы говорить о себе.

— Вы встречали эти существа? — спросил он Давида, показывая змея, круг и тень.

— Некоторых. Но образ не обязан быть буквальной памятью. Разум повторяет формы, потому что сталкивается с повторяющимися задачами: рождением, отделением, опасностью, властью, смертью.

— Значит, у человечества есть общая душа?

— Есть общие вопросы. Этого достаточно, чтобы ответы походили друг на друга.

София ходила по кабинету, читая корешки книг.

— Мавер мог взять у психоанализа идею вытеснения, а у аналитической психологии — общую сеть образов.

— Да. Он вытесняет боль из общей памяти. Но вытесненное должно куда-то уйти.

— Куда?

Дверь кабинета распахнулась. За ней находилось море, чёрное от чужих чувств.

Давид узнал место.

— В меня.

ГЛАВА 21

Архив боли

Мавер не уничтожал боль. Он складывал её в Давида.

Каждый бессмертный хранит больше памяти, чем способен осознать. Большая часть прошлого Давида находилась ниже доступного внимания. Мавер превратил это пространство в хранилище.

Чёрное море состояло из человеческого горя. Оно поднималось, и Давид слышал голоса миллионов людей: ребёнок звал мать, солдат просил прощения, женщина узнавала диагноз, старик возвращался в пустой дом.

София коснулась воды и отдёрнула руку.

— Вы не выдержите.

— Уже выдерживаю.

— Это не означает, что сможете продолжать.

Давид понял расчёт Мавера. Когда приложение активируется полностью, вся вытесненная боль человечества хлынет в его память. Он либо разрушится, либо попросит Мавера удалить способность чувствовать. Тогда главный противник его метода станет доказательством его правоты.

— Он хочет вылечить вас, — сказала София.

— Он хочет победить.

— Иногда это одно и то же для терапевта с плохими границами.

Надежда Петровна стояла у берега и смотрела в воду.

— Здесь есть горе моей матери?

— Есть след всего, что забрало приложение.

Она опустила ладони в море. Вода вокруг посветлела.

— Что вы делаете? — спросил Давид.

— Вспоминаю вместе с ней.

Боль, разделённая между людьми, меняла свойства. Она не уменьшалась арифметически, но переставала быть изоляцией. Свидетель возвращал переживанию связь.

София вошла в воду. За ней шагнул Давид.

Они начали называть чувства и тех, кому они принадлежали. Не забирать, не объяснять, не исправлять. Возвращать адреса.

Море опускалось.

На дне обнаружилась железная дверь с надписью на русском языке:

«Москва. 2026 год. Выход».

— Наконец-то нормальная навигация, — сказала Надежда Петровна.

— Не доверяйте, — ответил Давид. — Я её не ставил.
Дверь открылась сама.
За ней стоял Мавер и держал в руке сердце Давида.
ГЛАВА 22

Индивидуальная психология бессмертного

— Сердце символическое? — спросила София.
— Было бы проще, — ответил Давид.

В груди действительно отсутствовал ритм. Его тело продолжало жить по старой привычке, но каждая секунда требовала сознательного усилия.

— Ты всегда хотел быть нужным, — сказал Мавер. — Поэтому выбрал профессию, в которой чужая слабость подтверждает твою ценность.

Давид вспомнил разговоры с Адлером о стремлении преодолеть беспомощность, о принадлежности и цели поведения. Человек движется не только прошлым. Он направлен к тому, кем пытается стать. Даже симптом может служить цели, которую человек не замечает.

— Возможно, — ответил Давид.

Мавер не ожидал согласия.

— Ты спасал людей, чтобы чувствовать превосходство.

— Иногда.

— Давал советы, чтобы управлять.

— Иногда.

— Любил смертных, чтобы они не могли тебя покинуть иначе, кроме смерти.

Давид замолчал.

Это обвинение попало глубже.

София встала между ними.

— Мотив редко бывает чистым. Помощь может одновременно содержать заботу, страх, власть и потребность быть нужным. Вопрос в том, что человек делает, когда видит это.

— Ты защищаешь его, потому что несёшь память Лиоры.

— Я защищаю собственный выбор.

— Тогда выбирай. Я верну ему сердце или миллионам людей их боль.

София посмотрела на Давида.

Он ожидал колебания и ненавидел себя за это ожидание.

— Людям, — сказала она.

Мавер вложил сердце обратно в грудь Давида.

— Почему? — спросила София.

— Потому что он тоже выбрал бы их. Значит, лишив его жертвы, я причину больше боли.

Мавер исчез.

Давид упал. София опустилась рядом и прижала ладонь к его груди. Сердце молчало.

— Вы же бессмертный.

— Это описание срока, а не гарантия качества.

Она ударила его кулаком по груди.

— Очень научно, — прошептал Давид.

— Зато человечно.

Сердце ответило одним ударом.

ГЛАВА 23

Смысл в месте, где его отняли

Следующая дверь привела их в лагерь, окружённый колючей проволокой. Давид не хотел входить в это воспоминание. Некоторые эпохи он хранил не как рассказы, а как ожоги.

Там он встретил людей, у которых отняли имена, одежду, дом, безопасность и почти все возможности выбора. И всё же даже в предельно суженном пространстве оставалось отношение к другому человеку, кусок хлеба, поддержка, мысль о будущем.

Позднее один из выживших врачей сформулировал то, что Давид видел много раз: смысл нельзя выдать человеку готовым. Он возникает как ответ на конкретную жизнь и конкретную ответственность.

Мавер показывал это воспоминание как доказательство своей правоты.

— Разве такую боль нельзя было удалить?

— Нужно было остановить тех, кто её причинял.

— Но после случившегося?

— Помочь выжившим жить. Не рассказывать, что страдание было необходимо.

— Ты оставляешь им тяжесть.

— Я оставляю им авторство собственной жизни.

Давид увидел свою ошибку. Он веками искал универсальный ответ, достойный бессмертного знания. Но психика не была задачей с одним решением. Один человек нуждался в принятии, другой — в действии; одному требовалось вспомнить, другому — научиться возвращаться в настоящее; один должен был взять ответственность, другой — перестать отвечать за весь мир.

Мавер предлагал единое лекарство потому, что не видел отдельных людей.

— Его слабость — масштаб, — сказала София. — Он лечит человечество. Мы будем говорить с человеком.

— С миллионами по одному не успеем.

— Значит, поможем им говорить друг с другом.

У них появился третий вариант.

ГЛАВА 24

Возвращение

Они вышли из памяти в кабинете Давида. Прошло семь часов. На дворе было утро, сосед сверху спал, что подтверждало существование высшей справедливости хотя бы в локальном масштабе.

Телефоны показывали сотни сообщений. Приложение «Тише» готовило обновление через тридцать девять часов.

София сформулировала план. Вместо уничтожения приложения нужно было изменить его действие. Когда пользователь выбирает чувство для удаления, программа покажет связанную с ним память и предложит назвать человека, ценность или потребность, которую чувство защищает. Затем свяжет пользователя с живым собеседником или специалистом.

— Мавер контролирует систему, — сказал Давид.

— Но использует вашу память как хранилище. Значит, у вас есть доступ.

— Теоретически.

— Теория — это практика, которой пока не выдали финансирование.

Надежда Петровна приготовила чай и обзвонила знакомых. Через час в кабинете собрались программист, врач, священник, школьный учитель, ветеран, социальный работник и Аркадий Белецкий с синяком от сумки.

— Зачем он? — спросила Надежда.

— Понимает устройство приложения, — ответила София.

— Я его уже немного перестроила.

Белецкий признал, что знал о странных результатах исследований, но боялся потерять контракт и репутацию.

— Вы испытываете вину? — спросил Давид.

— Да.

— Хорошо.

— Вы странный психолог.

— Вина сообщает, что ваши действия разошлись с ценностями. Теперь решайте, что исправить.

Белецкий передал ключи доступа.

К вечеру появилась новая версия программы. Оставалось внедрить её в общую память, пройти защиту Мавера и убедить людей не нажимать самую привлекательную кнопку в истории человечества:

«Больше никогда не чувствовать боли».

— Люди нажмут, — сказала Надежда.

— Многие, — согласился Давид.

— Тогда что нас спасёт?

София посмотрела на него.

— Не правильный ответ. Второй вопрос.

ГЛАВА 25

Платонова пещера и удобные тени

До решающей ночи Давид попросил команду поспать. Никто не согласился, поэтому он рассказал историю — древнейший способ заставить взрослых людей временно прекратить работу.

В Афинах он слышал рассуждение о пленниках, которые видят на стене пещеры тени и принимают их за весь мир. Аллегория пережила века, потому что человеку всегда было проще спорить о тенях, чем повернуть голову.

В современности стены пещеры помещались в ладони. Каждый экран показывал своему владельцу особый мир, подобранный так, чтобы задержать внимание. Человек получал подтверждение страхов и убеждений, сердился на незнакомцев и называл это информированностью.

— Приложение Мавера делает то же самое, — сказал Белецкий. — Оно показывает каждому личную версию избавления.

— Значит, общего предупреждения недостаточно, — ответила София. — Человек решит, что оно относится к другим.

Они добавили в программу проверку: перед удалением чувства пользователь должен был увидеть, какие его данные использованы и почему система предложила именно это решение.

— Вы хотите объяснить людям алгоритм? — усомнился программист.

— Хотя бы напомнить, что за удобной тенью стоит источник света и тот, кто двигает предметы.

Надежда Петровна подняла руку.

— А если человек всё понимает и всё равно выбирает глупость?

— Это его право, — сказала София.

— Тогда зачем мы стараемся?

— Чтобы глупость была хотя бы собственной, а не подсунутой.

Давид записал фразу. Надежда потребовала указать авторство.

ГЛАВА 26

Аристотель и привычка становиться собой

Аристотель интересовал Давида редкой способностью рассматривать душу без отрыва от того, как человек действует, дружит, выбирает и повторяет поступки. Добродетель не выдавалась при рождении. Она формировалась практикой.

Однажды молодой воин спросил, как стать мужественным.

— Поступать мужественно, — ответил философ.

— Но я боюсь.

— Мужество требуется только там, где есть страх.

Воин остался недоволен. Он надеялся сначала получить внутреннее состояние, а потом совершить поступок. Люди часто ждали уверенности перед действием, не замечая, что уверенность приходит после нескольких пережитых действий.

Мавер строил систему на противоположном принципе: сначала менял состояние, затем человек терял причину учиться действовать с ним.

— Если убрать всю тревогу перед разговором, пациенту будет легче, — сказал Белецкий.

— Легче один раз, — ответила София. — Но он не узнает, что способен говорить, даже когда тревожится.

Они добавили выбор малых действий. Позвонить одному человеку. Выйти на лестницу. Отложить сообщение на десять минут. Назвать границу. Попросить помощи.

Давид вспомнил тысячи царей, мечтавших изменить характер указом, и улыбнулся.

— Что смешного? — спросила София.

— Человечество наконец изобрело устройство, способное ежедневно напоминать о полезном действии.

— И использует его для просмотра коротких видео.

— Каждый великий инструмент сначала проходит стадию развлечения.

ГЛАВА 27

Авиценна и человек без ощущений

В Бухаре Давид беседовал с молодым врачом, который представлял человека, парящего в воздухе без прикосновения к миру. Даже лишённый ощущений, рассуждал тот, человек мог бы сознавать собственное существование.

Давид спорил. Его долгий опыт показывал, насколько ощущение себя зависит от тела, памяти и встречи с другим. Но мысленный опыт был ценен: он отделял вопрос сознания от привычных ответов.

— Что останется, если человек перестанет ощущать боль? — спросила София.

— Сначала облегчение. Затем нарушение границ тела. Потом утрата сигналов, по которым он понимает своё состояние.

— А если исчезнет эмоциональная боль?

— Нарушатся границы отношений и ценностей.

Программист сообщил, что приложение использует данные умных часов: пульс, дыхание, сон. Оно подстраивает внушение под момент наибольшей уязвимости.

— Значит, тело открывает дверь, — сказал Давид.

— И тело же поможет её закрыть, — ответила София.

Так возник замысел паузы, основанной на дыхании и ощущении опоры. Не магический ритуал, а возвращение внимания туда, где человек находится сейчас.

— Забавно, — сказал Давид. — За несколько тысяч лет мы прошли от души, парящей без тела, к часам, напоминающим владельцу, что тело существует.

ГЛАВА 28

Две воли одного человека

В поздней античности Давид встретил человека, который подробно исследовал собственное противоречие: он понимал, какой выбор считает правильным, хотел сделать его и одновременно хотел противоположного.

Религиозный язык той эпохи описывал борьбу духа, воли, привычки и желания. Позднейшие психологи дадут конфликту другие имена, но знакомое переживание останется: «Я хочу измениться и делаю то, что мешает».

— Почему знание не побеждает? — спросил Давид.

— Потому что знающий человек и желающий человек живут в одном теле, — ответил собеседник. — И оба называют себя мной.

Мавер предлагал удалить нежелательное желание. Давид видел опасность: вместе с ним могла исчезнуть часть личности, защищавшая потребность, пусть и неумелым способом.

София предложила приложению не бороться с сопротивлением, а спрашивать его цель.

Человек откладывает важное не всегда из лени. Иногда избегает оценки, возможного провала или успеха, после которого возрастут требования. Тот, кто снова выбирает разрушительные отношения, может защищаться от ещё более страшного одиночества. Симптом не становится полезным, но перестаёт выглядеть бессмысленным.

— Значит, внутри надо проводить переговоры, — сказал Белецкий.

— Желательно без артиллерии, — ответил Давид. — Хотя внутренние стороны редко соблюдают международное право.

ГЛАВА 29

Машина с сомневающейся душой

В семнадцатом веке Давид встретил философа, решившего подвергнуть сомнению всё, что можно подвергнуть сомнению. Метод оказался продуктивным и утомительным. К концу беседы сомнению подверглись стол, погода и необходимость платить за ужин.

Разделение мыслящего сознания и протяжённого тела помогло науке ставить точные вопросы, но оставило наследство: люди начали обращаться с телом как с машиной, а с психикой как с водителем, который виноват в любой поломке.

— Мавер обещает отремонтировать водителя, — сказала София.

— Удалив лампы на приборной панели.

Современный человек называл себя слабым из-за усталости, хотя месяцами не спал. Обвинял характер при нарушениях внимания. Стыдился тревоги, усиленной болезнью, хроническим стрессом или веществами. Психологическое объяснение не должно было отменять медицинскую проверку, как и медицинское не истощало жизненную историю.

Они встроили в систему признаки, требующие живого обращения к врачу или экстренной службе. Приложение больше не предлагало философствовать человеку с симптомами инфаркта и не советовало дышать тому, кому угрожали насилием.

— Граница компетенции, — произнёс Давид. — Одно из величайших достижений цивилизации.

— Вы сами её соблюдаете?

— Восхищаюсь на расстоянии.

ГЛАВА 30

Собака, звонок и свобода

Павловские собаки запомнились массовой культуре лучше многих людей, участвовавших в исследованиях. Давид наблюдал лабораторную работу с уважением: точное измерение разрушало туман красивых объяснений.

Поведение связывается с последствиями. То, что приносит награду или облегчение, повторяется. Приложение Мавера давало мгновенное облегчение после каждого отказа от чувства. Пользователь возвращался, даже когда жизнь становилась беднее.

— Мы не можем конкурировать с мгновенным облегчением длинным рассуждением, — сказал Белецкий.

София предложила другую короткую награду: после паузы пользователь получал возможность немедленно связаться с выбранным человеком, услышать его голос или увидеть сохранённое напоминание о собственной ценности.

— Тоже манипуляция, — заметил Давид.

— Любая среда влияет на поведение. Честность начинается с того, что мы признаём влияние и оставляем отказ.

Они убрали серии, баллы, рейтинги и сообщения о том, сколько людей уже сделало «правильный выбор». Человеческую уязвимость нельзя превращать в соревнование.

— Маркетологи будут недовольны, — сказал Белецкий.

— Переживут, — ответила Надежда Петровна. — Это полезный навык.

ГЛАВА 31

Пирамида, в которой не хватило лестницы

В середине двадцатого века психологи заговорили о росте, потенциале и потребностях человека. Это было необходимо после теорий, видевших преимущественно конфликт, патологию или реакцию.

Позднее сложную идею превратили в аккуратную пирамиду. Давид относился к ней с симпатией и осторожностью. Люди могли творить в голоде, любить в опасности и искать смысл без безопасности. Это не означало, что голод и опасность полезны. Жизнь не всегда соблюдала порядок этажей.

— Центр обещает высшее состояние, не решая базовых условий, — сказала София. — Человеку плохо из-за бедности, одиночества или насилия, а ему предлагают изменить отношение.

— Иногда изменение отношения помогает выжить.

— Но не должно становиться оправданием бездействия окружающих.

В новую программу добавили карту реальной поддержки: убежища, медицинскую помощь, правовые консультации, сообщества, группы взаимопомощи. Психологический язык больше не прикрывал материальную проблему.

Давид вспомнил голодные города, где жрецы объясняли людям необходимость смирения, не открывая собственных амбаров.

— Человеку трудно размышлять о внутреннем росте, когда его ребёнку нечего есть, — сказал он.

— Вы открыли социальную политику?

— Нет. Наконец признал, что не всякую беду можно вылечить разговором.

ГЛАВА 32

Будущее, которое уже слушало

Последний фрагмент памяти пришёл не из прошлого. Давид увидел город будущего, где психологические системы знали о человеке больше, чем его близкие. Они предсказывали срывы, подбирали слова, регулировали настроение и предлагали решения раньше возникновения желания.

Люди почти не страдали. Они также почти не выбирали.

На площади стояла статуя Мавера. На постаменте было написано: «Освободившему человечество от внутреннего конфликта».

Рядом играла девочка. Она упала, посмотрела на разбитое колено и не заплакала. Система уже уменьшила боль. Мать получила уведомление, но не подошла: алгоритм не обнаружил угрозы.

Давид понял, что видит не неизбежное будущее, а намерение Мавера. Тот не хотел уничтожить людей. Он хотел избавить их от непредсказуемости, превратить психику в управляемую систему без внутреннего сопротивления.

— Он боится свободы, — сказала София. — Потому что свободный человек может отказаться от его помощи.

— И от нашей.

— В том числе.

Они добавили последнюю функцию: приложение можно было удалить полностью, забрав все личные данные. Без скрытой копии, без повторного приглашения, без наказания тревожным уведомлением.

— Вы строите систему, которая разрешает отказаться от неё, — сказал Белецкий.

— Иначе мы строим новый Центр окончательного покоя, — ответил Давид.

На часах осталось двенадцать часов.

Теперь у них был план, собранный из тысячелетий ошибок. Оставалось проверить, выдержит ли он один человеческий выбор.

ГЛАВА 33

Охотник, который боялся не бояться

Первообытный охотник Кер вернулся в селение без добычи. Три дня он шёл по следу зверя, но отступил у тёмной расщелины. Теперь мужчины смеялись, а сам Кер требовал от Давида изгнать трусость.

— Что было в расщелине?

— Запах кошки. Большой.

— Ты видел её?

— Нет.

— Почему отступил?

Кер перечислил признаки: свежие царапины, кости, тишина птиц. Его страх собрал сведения быстрее сознательной мысли.

— Ты хочешь перестать бояться или перестать считать себя трусом?

Охотник долго молчал. Стыд перед группой оказался сильнее страха смерти. На следующей охоте он собирался войти в расщелину только для того, чтобы изменить чужое мнение.

Давид предложил ему привести насмешников и вместе проверить следы. В расщелине жила хищница с детёнышами. Племя обошло место и нашло другой путь.

Кер понял, что смелость не обязана выглядеть как приближение к опасности. Иногда самый мужественный шаг ведёт назад, особенно если окружающие толкают вперёд.

Мавер запомнил другой вывод: мнение группы способно заставить человека предать собственные ощущения. Через миллионы лет его приложение показывало число уже «освободившихся», создавая давление большинства.

Команда убрала счётчик пользователей.

— Миллион человек может ошибаться? — спросил Белецкий.

— Миллион человек способен повторить одну ошибку, — ответил Давид. — Количество превращает её в статистику, а не в истину.

ГЛАВА 34

Первый ребёнок, которого сравнили

В маленьком поселении две матери одновременно хвалили детей. Одна сказала, что её дочь быстро бежит. Другая ответила, что её сын бежит быстрее.

Так безобидное наблюдение превратилось в шкалу достоинства.

Мальчика звали Нойр. Он научился измерять себя чужими успехами. Победа приносила короткое облегчение, поражение означало, что он хуже как человек. Став взрослым, Нойр стал сильнейшим охотником племени и самым несчастным его членом.

— Если я не первый, кто я? — спросил он.

Давид предложил перечислить качества, не требующие проигрыша другого: верность, мастерство, заботу, способность учиться. Нойр назвал только силу.

Тогда Давид отправил его учить детей. Рядом с начинающими мастерство перестало быть пьедесталом и стало даром, который можно передать.

Мавер наблюдал.

— Ты дал ему новую зависимость. Теперь он нуждается в благодарности учеников.

— Человек всегда связан с другими.

— Значит, всегда уязвим.

— Да.

Мавер не понимал, почему Давид произнёс это без стыда.

В приложении они нашли скрытую систему рейтинга эмоциональной устойчивости. Пользователь видел, насколько он «здоровее» друзей.

— Удалить, — сказала София.

— Рейтинг повышает вовлечённость, — возразил Белецкий.

Надежда Петровна потянулась за сумкой.

— Уже удаляю.

ГЛАВА 35

Писец и вес сердца

Египетский писец Хепу боялся посмертного суда. Днём он тщательно записывал чужие налоги, ночью подсчитывал собственные проступки. Сердце представлялось ему тяжёлым от вины.

— Если я забуду ошибку, станет ли сердце легче? — спросил он.

— Забытая ошибка может продолжать управлять поступками.

— Тогда нужно помнить всё.

— Память не равна справедливости.

Хепу однажды исказил запись по приказу начальника, из-за чего семья земледельца лишилась зерна. Он годами просил прощения у богов, но ни разу — у пострадавших.

Давид предложил вернуть зерно и признаться. Хепу ужаснулся: религиозное раскаяние оказалось безопаснее земного исправления.

— Боги могут простить тайно, — заметил Давид. — Люди задают неудобные вопросы.

Писец всё-таки пошёл к семье. Его не простили. Он вернул зерно и принял их гнев.

— Значит, всё было напрасно?

— Исправление не покупает прощение. Оно возвращает вам ответственность за следующий поступок.

София использовала этот случай, создавая раздел о вине. Программа не обещала человеку быстро «простить себя». Сначала спрашивала, кому причинён вред и можно ли что-то исправить без нового вторжения в жизнь пострадавшего.

— А если исправить нельзя? — спросил Белецкий.

— Тогда придётся жить так, чтобы вина изменила будущий выбор, — ответила София.

— Самонаказание редко возмещает ущерб.

ГЛАВА 36

Эпикур и шумная смерть

В саду неподалёку от Афин люди говорили о простой пище, дружбе, желаниях и страхе смерти. Их учителя позднее обвиняли в поклонении удовольствиям те, кто понимал удовольствие главным образом как избыток.

Молодой ученик спросил Давида, боится ли бессмертный смерти.

— Боюсь чужой.

— Но когда смерть приходит, человека уже нет. Почему она страшна?

— Потому что до неё есть знание о потере. Потому что умирание бывает мучительным.

Потому что остаются другие.

Философский аргумент мог уменьшить один слой страха, но не обязан был отменять остальные. Давид ценил мысль, которая уточняла тревогу, и не доверял той, что объявляла её окончательно побеждённой.

Мавер взял из учения идею освобождения от лишних страхов, но отбросил дружбу, умеренность и различие желаний.

— Он всегда вынимает метод из системы ценностей, — сказала София. — Оставляет технику без цели.

Они добавили в программу вопрос: «Ради какой жизни вы хотите уменьшить этот страх?»

Ответ «ради отсутствия страха» больше не принимался автоматически.

— Приложение спорит с пользователем? — спросил программист.

— Иногда уважение требует не согласиться слишком быстро, — сказал Давид.

ГЛАВА 37

Император, которому нельзя было пожаловаться

Правитель огромной державы записывал мысли для себя. В них напоминал о краткости жизни, долге и необходимости управлять собственными суждениями. Но даже человек, ежедневно размышляющий о добродетели, оставался отцом, военачальником и властителем, способным ошибаться.

Однажды он признался Давиду:

— Мне не с кем говорить. Советники угадывают, какой ответ безопасен.

— Тогда ваша власть лишила вас обратной связи.

— Власть должна помогать видеть больше.

— Только если рядом остаётся тот, кому разрешено сказать, что вы не видите очевидного.

Император приказал назначить такого человека. На следующий день должность занял самый осторожный придворный и начал соглашаться особенно убедительно.

Давиду пришлось объяснить разницу между ролью и способностью её выполнять.

София увидела современную параллель. Алгоритм Мавера обучался на реакции пользователей: чаще показывал то, с чем они соглашались, и реже — то, что вызывало сопротивление.

— Получается император без честного советника, — сказала она.

— Каждый пользователь становится императором маленькой ленты.

Они встроили возможность пригласить доверенного человека, чьё мнение не совпадает с привычным. Не контролёра, а свидетеля выбора.

— Люди отключат функцию, — сказал Белецкий.

— Многие. Но некоторым она спасёт жизнь.

ГЛАВА 38

Женщина, которую объявили одержимой

В средневековом городе молодая женщина перестала говорить после смерти ребёнка. Родственники решили, что в неё вошла злая сила. Священник готовил обряд изгнания.

Давид попросил всех выйти и сел рядом. Женщина молчала. Он тоже.

Через два часа она произнесла имя ребёнка.

Молчание оказалось не присутствием демона, а единственным способом удержать мир от окончательного распада. Слова окружающих требовали смирения, веры и возвращения к обязанностям. Никто не позволял ей просто быть разбитой.

Священник оказался способным человеком. Выслушав Давида, отменил обряд и организовал помощь семье. Его имя история не сохранила. История вообще лучше запоминает костры, чем тех, кто их не зажёт.

— Психологические объяснения тоже могут стать обвинением, — сказала София. — «Ты сама выбираешь страдать», «тебе выгодно болезнь», «ты не хочешь выздороветь».

— Теория даёт власть назвать чужой опыт. Поэтому сомнение специалиста защищает пациента.

Они убрали из приложения скрытые выводы о мотивах пользователя. Система могла предлагать гипотезу, но обязана была обозначать её как гипотезу.

ГЛАВА 39

Художник, который исправлял улыбку

Флорентийский художник семь лет писал портрет жены купца. Каждый раз находил новый недостаток: неверную тень, слишком прямой палец, улыбку, не передающую внутреннюю сложность.

Купец успел разориться, разбогатеть и снова разориться. Его жена родила троих детей и перестала приходить на сеансы. Художник продолжал исправлять её улыбку по памяти.

— Когда работа будет закончена? — спросил Давид.

— Когда станет совершенной.

— Значит, никогда. Это удобно: незавершённое произведение нельзя окончательно оценить.

Перфекционизм художника выглядел любовью к качеству, но защищал от стыда возможного несовершенства. Он не откладывал работу. Он откладывал встречу работы с миром.

Давид уговорил его показать портрет. Зрители заметили красоту, ошибку в пропорциях и совсем не ту деталь, которой художник стыдился.

— Я пережил, — удивился тот.

— Это неприятная особенность реальности. Она редко подтверждает катастрофу в полном объёме.

София посмотрела на код программы.

— Мы тоже можем совершенствовать до активации Мавера.

Они выпустили рабочую версию с честным предупреждением о границах. Несовершенная помощь, доступная вовремя, иногда лучше безупречной, пришедшей после беды.

ГЛАВА 40

Спиноза и геометрия чувств

Философ раскладывал человеческие страсти с точностью геометра. Он не проклинал чувства и не считал человека отдельным царством вне природы. Понимание причин могло увеличивать свободу, потому что слепое влечение становилось видимым.

— Если всё имеет причину, свободен ли человек? — спросил Давид.

— Свобода не обязана быть отсутствием причин. Возможно, она начинается со способности понимать, чем ты определён.

Мавер ненавидел этот ответ. Его свобода означала отсутствие внутреннего конфликта. Но камень тоже не конфликтует с траекторией падения.

София сформулировала ещё один принцип: цель помощи — расширять пространство осознанного действия, а не создавать идеальное состояние.

Человек мог выбрать, оставаясь испуганным, уставшим и противоречивым. Выбор не становился полностью независимым от прошлого, тела и обстоятельств. Однако понимание добавляло новые причины, среди которых появлялись собственные ценности.

— Выходит, свобода тоже не абсолютна, — сказал Белецкий.

— Абсолютные вещи вообще плохо помещаются в человека, — ответил Давид.

ГЛАВА 41

Внимание Уильяма Джеймса

Психолог и философ из Америки говорил о потоке сознания, привычке и внимании. Давиду понравилось выражение «поток»: за миллионы лет он устал от представления о разуме как о комнате с предметами.

Внимание не всегда подчинялось воле, но определяло, какая часть мира станет текущей жизнью человека. Мавер захватывал внимание болью, затем продавал освобождение от неё.

— Мы не победим его уведомлениями, — сказала София. — Получится ещё одна борьба за взгляд.

Они сделали программу тихой. Никаких красных значков и настойчивых напоминаний. Пользователь сам выбирал время контакта.

— Тогда показатели возвращаемости упадут, — предупредил Белецкий.

— Здоровье приложения и здоровье человека — разные показатели.

Давид вспомнил, сколько современных систем объявляли успехом время, которое сумели отнять у пользователя. Он записал новую ошибку человечества: измерять ценность помощи зависимостью от помощника.

ГЛАВА 42

Незаконченный разговор

В Берлине начала двадцатого века Давид присутствовал на встречах людей, изучавших восприятие как целостный процесс. Позднее в терапии большое значение получили незавершённые ситуации, контакт и происходящее между человеком и миром сейчас.

Давид вспомнил собственный последний разговор с Лиорой. Он считал его завершённым смертью. На самом деле десятки тысяч лет продолжал отвечать ей поступками.

— Незавершённость не всегда требует буквального завершения, — сказала София. — Иногда нельзя получить прощение, ответ или прощальный разговор. Можно заметить, что продолжаешь ждать, и решить, как жить с этим.

— Вы говорите обо мне?

— Разумеется. Остальные сейчас заняты.

В приложении существовала функция виртуального ответа умершего человека. Алгоритм собирал переписку и генерировал фразы от его имени.

— Удалить, — сказал Давид.

— Некоторым это приносит утешение, — возразил программист.

— Тогда система обязана ясно сообщать, что создаёт предположение, а не голос умершего. Нельзя превращать потребность в прощении в техническую подделку согласия.

София посмотрела на него внимательно. Давид понял, что однажды и ему придётся отказаться от искусственного продолжения разговора.

ГЛАВА 43

Семья, в которой симптом выбрали ребёнку

В середине двадцатого века Давид наблюдал семью, где мальчик постоянно болел перед ссорами родителей. Все считали его слабым. Никто не замечал, что болезнь заставляла взрослых прекращать конфликт и объединяться у кровати.

Симптом принадлежал ребёнку, но поддерживал равновесие всей системы. Лечить только его означало не видеть отношений.

— Приложение работает с отдельным пользователем, — сказала София. — Но его боль может быть связана с семьёй, работой, обществом.

Они добавили вопросы о контексте. Не для поиска виноватого, а чтобы различать личное переживание и условия, которые его постоянно воспроизводят.

Работник мог учиться дыханию, но оставаться в унижающей среде. Женщина могла менять убеждения, пока партнёр контролировал её деньги и контакты. Подросток мог лечить тревогу, возвращаясь каждый день в травлю.

— Иногда симптом — самый здоровый ответ на нездоровую ситуацию, — сказал Давид.

— И всё равно может разрушать человека, — добавила София.

Оба утверждения пришлось удержать вместе. Психология часто становилась взрослой именно в тех местах, где отказывалась выбирать удобную половину правды.

ГЛАВА 44

Человек будущего просит оставить ему ошибку

Последняя запись Давида относилась к будущему, которое могло никогда не наступить. Молодой человек пришёл к нему в городе, где решения рассчитывались заранее. Система подбирала профессию, партнёра, район, питание и оптимальные слова для каждого разговора.

— Я хочу ошибиться, — сказал он.

— В чём?

— Не знаю. Если знать заранее, это будет проект.

Он мечтал выбрать дело с неопределённым исходом. Система считала желание симптомом самоповреждения. Давид помог ему получить право на неоптимальность.

Молодой человек стал музыкантом. Большинство произведений оказалось посредственным. Одно изменило жизнь нескольких слушателей. Алгоритм не признал результат эффективным: затраты времени превышали измеримый эффект.

— Мавер строит именно такой мир, — сказала София. — Без ошибки, внутреннего спора и риска.

— Значит, без нового.

Они завершили программу кнопкой, которой раньше не было:

«Я выбираю сам, включая право передумать».

До активации оставалось шесть часов.

Семь сеансов до тишины

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Семь сеансов до тишины

ГЛАВА 45

Человек, которого никто не исправлял

Давид вспомнил кабинет в Америке середины двадцатого века. Там терапевт слушал клиента без привычного желания немедленно объяснить ему его самого. Не прятался за холодным авторитетом, не изображал непогрешимость, не выдавал принятие за одобрение каждого поступка.

Человеку иногда требовалось пространство, в котором он мог услышать себя без угрозы быть переделанным под чужое представление о норме.

Давид долго относился к этому с подозрением.

— Если только слушать, когда же давать мудрые советы? — спросил он однажды.

— Когда потребность дать совет важнее вам, чем клиенту, лучше продолжать слушать.

Давид запомнил. Пользовался редко.

Теперь этот принцип стал основой их ответа Маверу. Приложение не должно было сообщать человеку, зачем ему боль. Оно задавало вопросы и возвращало выбор:

«Что произошло?»

«Что вы чувствуете в теле?»

«О чём говорит это чувство?»

«Что вы хотите сохранить?»

«Кому можете рассказать об этом безопасно?»

После каждого вопроса оставалось поле для собственного ответа. Никаких готовых смыслов.

— Люди не любят длинные анкеты, — предупредил Белецкий.

— Особенно когда им больно, — согласилась София. — Оставим один главный вопрос.

На экране появилась строка:

«Если удалить эту боль, что важное исчезнет вместе с ней?»

Давид прочёл и почувствовал сопротивление. Вопрос касался не только пользователей.

Если удалить его боль о Лиоре, исчезнет ли любовь? Нет. Но исчезнет часть пути, по которому он научился оставаться рядом. Он хранил горе не потому, что оно доказывало любовь. Он боялся, что облегчение станет предательством.

София заметила перемену в его лице.

— Вы имеете право перестать страдать, не переставая помнить.

— Звучит разумно.

— Вас это пугает?

— Поэтому и звучит разумно.

ГЛАВА 46

Мысль, которая выдавала себя за факт

За двадцать часов до обновления Мавер атаковал не систему, а команду.

Каждому телефон начал показывать сообщение, составленное из его самого убедительного убеждения.

Белецкий прочёл: «Если признаешь ошибку, тебя уничтожат».

Надежда Петровна: «Если перестанешь тревожиться, с дочерью случится беда».

София: «Ты снова не успеешь спасти пациента».

Давид: «Тот, кого ты полюбишь, умрёт».

Мысли выглядели как факты, потому что повторялись давно. Современная когнитивная терапия систематизировала то, что Давид наблюдал веками: человек реагирует не только на событие, но и на его мгновенное истолкование. Разум сокращает путь, обобщает, предсказывает, читает чужие мысли и выдаёт предположение за приговор.

— Не спорьте с сообщением сразу, — сказала София. — Назовите его мыслью. Проверьте доказательства. Найдите более точную формулировку.

— Я сам проводил подобные беседы до изобретения алфавита.

— Тогда у вас была масса времени потренироваться.

Давид переписал фразу: «Люди, которых я люблю, смертны. Потеря возможна. Близость имеет ценность именно сейчас».

Страх остался, но перестал быть приказом.

Надежда заменила своё сообщение: «Тревога не управляет безопасностью Софии. Я могу заботиться, не контролируя».

Белецкий долго смотрел в экран, затем написал: «Меня могут наказать. Скрытая ошибка причинит больший вред».

София не писала.

— Что мешает? — спросил Давид.

— Моя мысль может оказаться правдой. Я действительно не всех спасаю.

— Тогда проблема не в точности факта. В выводе, что вы обязаны спасти каждого.

Она набрала: «Я не всемогущественна. Я обязана быть внимательной, честной и просить помощь, когда её недостаточно».

Телефоны погасли.

Мавер проиграл этот раунд, но Давид чувствовал его удовлетворение. Каждый исправленный приговор открывал в памяти новую связь. Сеть становилась сильнее. Вместе с ней росло хранилище боли.

ГЛАВА 47

Привязанность бессмертного

За двенадцать часов до обновления София уснула в кресле. Надежда Петровна уехала домой переодеться и привезти нормальную еду. Остальные работали в соседней комнате.

Давид накрыл Софию пледом. Она открыла глаза.

— Я не спала.

— Люди часто говорят это, когда просыпаются.

— Бойтесь, что я умру?

— Это статистически обоснованное опасение.

— Поэтому держите расстояние?

Давид сел напротив.

Первые связи ребёнка с теми, кто заботится о нём, становились чертежом будущей близости. Одни ожидали, что их услышат. Другие цеплялись, боясь исчезновения любви. Третьи заранее отдалялись, чтобы не испытать оставленность. Взрослый человек называл это характером, хотя многие стены были построены руками испуганного ребёнка.

У Давида не было детства. Зато были миллионы похорон. Его избегание сформировалось позднее и оказалось почти безупречным.

— Я умею оставаться рядом с человеком в его боли, — сказал он. — Но редко позволяю остаться рядом со своей.

— Потому что вы психолог?

— Потому что трус.

— Наконец-то диагноз без четырёх миллионов лет анамнеза.

Он улыбнулся.

— Лиора была важна. Но я не Лиора, — сказала София. — И не доказательство того, что вы способны любить снова. Если между нами что-то возникнет, оно должно принадлежать нам.

— Уже возникло.

— Что?

— Вы регулярно вмешиваетесь в мои решения, критикуете мои методы и готовите отвратительный кофе. В некоторых эпохах это считалось браком.

София коснулась его руки.

— В этой эпохе сначала ужинают.

— Запишу как культурную поправку.

Они сидели молча. Давид впервые не использовал молчание как технику.

ГЛАВА 48

Мозг, который не знал о богах

За шесть часов до обновления София привезла их в лабораторию. Томограф показал необычную активность мозга Давида: одновременно работали сети, которые у обычного человека сменяли друг друга. Воспоминания не помещались в нейронах; мозг служил входом к более широкому хранилищу.

— Но вы зависите от тела, — сказала София. — Недосып, гормоны, уровень глюкозы влияют на вас.

— К сожалению. После изобретения кофе стало легче.

— Вы всё это время рассуждали о душе, но часть ваших прозрений могла быть обычной гипогликемией.

— Не разрушайте профессию окончательно.

Современная наука не отменила древние вопросы. Она уточнила механизмы. Страх связан с работой нервной системы, но знание цепи реакций не исчерпывает личного смысла. Привязанность опирается на биологию, но человек всё равно решает, что делать с любовью. Память реконструируется, однако пережитое остаётся нравственным фактом.

Давид слишком долго противопоставлял тело сознанию. Люди напомнили ему, что психика живёт не над телом, а вместе с ним.

София предложила неожиданный способ внедрения программы. Не входить через сознание Давида, где Мавер ждёт, а использовать телесный сигнал — ритм сердца, дыхание, голос. Миллионы телефонов могли передать короткую паузу перед выбором.

— Мы не дадим ответ, — сказала она. — Дадим человеку несколько секунд, чтобы заметить себя.

— Несколько секунд против вечности?

— Большинство человеческих решений всегда так и принималось.

Они записали инструкцию без мистики:

«Поставьте ноги на пол. Сделайте спокойный выдох. Назовите чувство. Вспомните, с чем оно связано. Вы можете отложить решение».

Давид добавил:

«Если вам угрожает опасность, сначала ищите безопасность и живую помощь. Пониманием насилие не прекращают».

Мавер появился на всех мониторах лаборатории.

— Остался час, — сказал он. — Ты предлагаешь дыхание против человеческой боли?

— Нет. Возможность не отдавать тебе решение в самый тяжёлый момент.

ГЛАВА 49

День, когда люди перестали бояться

Обновление началось в полночь.

Поезда продолжали движение. Самолёты заходили на посадку. Врачи стояли у операционных столов, родители укладывали детей, одинокие люди смотрели в экраны, солдаты дежурили, преступники выбирали дверь, в которую войдут.

На телефонах появилась кнопка:

«Освободиться навсегда».

Люди нажимали.

Страх уходил первым. Водители ускорялись, подростки выходили на крыши, трейдеры заключали безумные сделки, руководители принимали решения, которых вчера опасались. Некоторым страх действительно мешал годами. Несколько минут они чувствовали себя свободными.

Потом исчезла осторожность.

Следующей уходила вина. Люди переставали извиняться, возвращать долги и замечать причинённый вред. Затем стыд. Для одних это означало освобождение от чужого унижения. Для других — утрату последней внутренней границы.

Горе исчезало вместе со значением утраты.

Последней Мавер начал удалять любовь.

Давид вошёл в сеть. Боль человечества обрушилась на него. Он видел всё сразу и не мог удержать отдельного лица.

— Масштаб, — услышал голос Софии. — Ваша слабость тоже масштаб. Найдите одного человека.

Он выбрал мальчика на крыше. Тот стоял у края, наслаждаясь отсутствием страха.

Телефон предложил второй вопрос:

«Если страх исчезнет, что он перестанет защищать?»

Мальчик посмотрел вниз. Вспомнил мать, собаку, незаконченный рисунок. Сделал шаг назад.

Давид нашёл врача, который собирался продолжить операцию дрожащими от усталости руками. Вопрос вернул ему не страх ошибки, а ответственность попросить замену.

Нашёл женщину, много лет жившую рядом с насильником. Её страх защищал не отношения, а жизнь. Приложение показало номер помощи и возможность удалить цифровой след обращения.

Нашёл человека, чья вина давно превратилась в ненависть к себе. Вопрос помог отделить поступок от личности и выбрать исправление.

Сеть наполнялась отдельными голосами. Люди отвечали друг другу. Не всегда мудро. Иногда неловко. Но живо.

Мавер попытался перекрыть связь.

Тогда миллионы устройств передали ритм человеческого сердца.

ГЛАВА 50

Первый пациент

Давид оказался там, где начиналась Вселенная. Перед ним стоял Мавер в первоначальной форме — напряжение света, научившееся страдать от несовершенства.

— Ты снова заставил их терпеть, — сказал он.

— Нет. Я вернул им выбор.

— Выбор боли.

— И помощи. И действия. И смысла. И ухода от того, что разрушает.

— Они опять будут убивать, предавать, терять детей, начинать войны.

— Да.

— Тогда что ты защищаешь?

Давид не нашёл красивого ответа.

— Возможность каждого человека не быть тобой.

Мавер раскрыл память, которую Давид запечатал после смерти Лиоры. Там находился не только последний разговор. Был ещё один эпизод.

После похорон Давид отделил от себя всё желание никогда больше не чувствовать подобной боли. Он придал этому желанию форму, разум и имя.

Мавер не был его вторым пациентом.

Он был частью первого.

Первым пациентом Давида оказался сам Давид.

— Ты создал меня, — сказал Мавер. — Я исполняю твою просьбу.

Давид вспомнил: «Сделай так, чтобы никто больше не страдал».

Приказ, произнесённый в горе, пережил эпохи.

— Тогда я отменяю его.

— Нельзя отменить часть себя.

— Можно признать её и перестать подчиняться.

Давид подошёл к Маверу. Не атаковал. Не пытался убедить. Обнял свет, созданный собственным отчаянием.

В него вошла боль миллионов. За ней — первая утрата, страх исчезновения, горе Лиоры, стыд Астэра, вина Маттео, память Самира. Давид не удержал бы их один.

Но он был не один.

София стояла рядом. Надежда Петровна держала дочь за руку. Белецкий говорил в микрофон правду о своём участии. Незнакомые люди отвечали другим неизвестным людям. Каждый принимал крошечную часть общей тяжести, возвращая ей имя и адрес.

Мавер уменьшался, пока не стал тихим голосом внутри Давида:

«Я не хочу снова потерять».

«Я тоже», — ответил Давид.

«Что мы будем делать?»

«Жить до потери. А потом — после неё».

Тишина закончилась.

ГЛАВА 51

Утро после вечности

Мир не стал здоровым.

На следующий день люди снова тревожились, ругались, стыдились, скучали и принимали сомнительные решения. Многие удалили приложение. Некоторые потребовали вернуть прежнюю версию без вопросов. Один пользователь поставил программе единицу за то, что она заставила его думать.

Однако массовое исчезновение чувств прекратилось. Те, кому эмоции вернулись слишком резко, получили помощь. Центры окончательного покоя закрылись, оставив после себя белые двери в кирпичных стенах и большое количество юридически неясного имущества.

Аркадий Белецкий передал данные следствию. Его уволили, пригласили на пять телепередач и обвинили одновременно в спасении человечества и попытке ограничить свободу пользователей.

Надежда Петровна вернулась к преподаванию — два раза в неделю, «чтобы молодёжь не расслаблялась». Софии она звонила раз в день вместо четырёх и считала это выдающимся достижением самоконтроля.

Елена Баранова снова горевала по дочери. Боль была тяжёлой. София помогла ей найти группу поддержки. Давид вернул рисунки Ани, которые Центр хранил как избыточные эмоциональные стимулы.

— Я думала, лечение должно избавлять от боли, — сказала Елена.

— Иногда лечение помогает пережить боль, не отдавая ей всю жизнь, — ответил Давид.

— Когда станет легче?

— Не знаю.

Она посмотрела с разочарованием.

— Вы же старше богов.

— Поэтому научился не обещать календарь чужому горю.

Вечером Давид и София шли по набережной. Москва отражалась в воде, как мысль, не уверенная в собственной точности.

— Мавер исчез? — спросила она.

— Вернулся туда, откуда возник.

— В вас?

— Да.

— Это безопасно?

— Нет.

— Честный ответ.

— Учусь.

София взяла его под руку.

— Что теперь?

— Кажется, в этой эпохе сначала ужинают.

ГЛАВА 52

Ужин со смертной женщиной

Давид выбрал ресторан, существовавший двадцать три года. Для него это означало рискованно новое заведение. София выбрала стол у окна.

— Расскажите о себе то, что не относится к возрасту, профессии и спасению мира.

Давид задумался.

— Люблю дождь, когда не обязан никуда идти. Не понимаю оперу после семнадцатого века. Однажды научился играть в шахматы у человека, который утверждал, что придумал их, но он жульничал. Боюсь голубей.

— Голубей?

— Они слишком многое видели и никому не рассказывают.

— Теперь вы спрашиваете.

— Чего вы хотите?

— Сегодня?

— Вообще.

— Это вопрос человека, привыкшего располагать вечностью. Спросите меньше.

— Чего вы хотите сегодня?

— Поужинать. Потом выспаться. Завтра увидеть маму. Через неделю вернуться к пациентам. А ещё хочу узнать вас, не становясь вашим очередным историческим воспоминанием.

Давид почувствовал страх. Старый, разумный, защищающий связь.

— Я не могу обещать, что не переживу вас.

— А я не могу обещать, что вы мне не надоедите раньше.

— Это утешает.

— Люди вообще недооценивают бытовые причины оптимизма.

Они говорили до закрытия ресторана. Давид не рассказывал о величайших событиях истории. Он слушал, как София в детстве спрятала двойку под ковром, как поступала в университет, как боялась первого пациента и почему однажды три часа ехала в другой конец Москвы, чтобы вернуть незнакомцу забытый блокнот.

Миллионы лет не делали одну человеческую жизнь маленькой. Напротив, позволяли увидеть невозможность её повторения.

Когда они вышли, шёл дождь.

— Вы любите дождь, только если никуда не надо идти, — напомнила София.

— Нам некуда.

— Это хорошо или плохо?

— Пока не решил.

— Наконец-то ведёте себя как нормальный человек

Записки для тех, кто останется

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Записки для тех, кто останется

ГЛАВА 53

Семь ошибок очень опытного психолога

После событий с приложением Давид впервые решил привести записи в порядок. Он начал не с побед, а с ошибок.

Первая: он слишком часто объяснял человеку чувство раньше, чем успевал его услышать.

Вторая: путал понимание причин с освобождением от последствий.

Третья: считал долгую жизнь доказательством мудрости. Время даёт опыт, но не обязывает делать выводы.

Четвёртая: искал универсальный метод. Любой метод освещает часть пути и отбрасывает собственную тень.

Пятая: принимал терпение за добродетель даже там, где человеку следовало уйти или сопротивляться.

Шестая: видел в чужой зависимости слабость, не замечая собственной зависимости от роли спасателя.

Седьмая: думал, что боль сохраняет любовь.

София прочитала список.

— Для четырёх миллионов лет маловато.

— Остальные ошибки в приложении.

— Добавьте восьмую: уход от ответа с помощью юмора.

— Это не ошибка. Это профессиональный инструмент.

Давид записал восьмую.

Он понял, что теория становится живой только рядом с ограничениями. Психоанализ напоминал о скрытом. Поведенческий подход показывал силу повторения и последст

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.